

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОМАНТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

В.В. Литич

НИУ «БелГУ»

Русские романтики выдвинули свою концепцию народности, понимая под нею преимущественно национальную самобытность – внимание ко всему национальному (национальной истории, национальному быту, национальному характеру, национальному фольклору, национальным обычаям, национальному языку и т.п.). Суть этой концепции заключается в следующем: каждая нация выражает в истории человечества определенную идею. Народ – это национально целостное и социально недифференцированное единство, замкнутое в самом себе. В глазах романтиков «национальное» и «народное» выступают не столько как исторически сложившиеся категории, сколько как нечто неизменное, метафизическое, данное изначально и навсегда (традиции, образ жизни, быт, характер, фольклор, нравы, язык). Склад национального характера, с их точки зрения, обусловлен прежде всего национальным духом. Как справедливо заметил в самом конце XIX века американский литератор Джеймс Рассел Лоуэлл, «без национального самосознания мы бы никогда не имели литературы» [Lowell 1996: 223].

В национальном мышлении, литературной жизни каждого народа постоянно участвует и фонд зарубежных ценностей как современных, так и созданных в прошлом. Без участия этого компонента, при всей самобытности и определяющей роли собственно национальных процессов, система культурной и литературной жизни остается неполной.

Процесс пробуждения национальной самобытности и путь русской общественной мысли к вершинам философского, политического и эстетического самосознания в эпоху романтизма отнюдь не был путем националистической самоизоляции. Становление национально-самобытной

русской литературы, столь активизировавшееся после Отечественной войны 1812 г., шло иным, более сложным и диалектическим путем. Русский романтизм был глубоко национальным и столь же глубоко интернациональным явлением. Возникший на конкретно-исторической почве российской действительности первых десятилетий XIX в., он формировался и развивался не на узеньких проселках провинциально-националистического «захолустья», а на большой и широкой дороге общеевропейского и мирового искусства. «Мы по праву наследники всей Европы», – подчеркивал Белинский [Белинский 1943: 96]. Национальная самобытность отнюдь не исключала опоры на творческий опыт других наций. В противном случае это выглядело бы националистическим сектантством. Традиции – это «определенное смысловое пространство», сложный комплекс национальной, религиозной и общечеловеческой культурной памяти. Справедливо замечание Г.И. Мальцева о том, что эта память «не всегда выступает на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного» [Мальцев 1986: 68-69.]. Поэтическое слово «хранит и несет» память о мировых художественных канонах, эстетических образцах, органично связано с комплексом национальных представлений о мире и человеке. Оно обновляется, соединяя эти традиции в новое эстетическое единство, и прежде всего является самовыражением поэта, обнажает его мирозерцание, его этику, его понимание законов прекрасного.

Духовная культура России к началу XIX века уже активно взаимодействовала с духовной культурой других народов. Русский романтизм тоже не замкнулся в рамках только своего национального мира. Напротив, он развивался в теснейшем взаимодействии с западноевропейским романтизмом. Свободно и непринужденно входит в опыт русского романтизма все то, что волновало и тревожило Европу конца XVIII – начала XIX вв. и что было накоплено к тому времени мировой литературой. Не теряя своей национально-исторической самобытности, русский романтизм был самыми прочнейшими

узами связан с развитием общеевропейского романтизма – немецкого, английского, французского, польского и т.д.

В известном смысле, некоторые писатели Запада представляли собою явление не только общеевропейское, но и, так сказать, общерусское, ибо они были активными и непосредственными «участниками» русского литературно-романтического движения. Без них, без учета их влияния вряд ли возможно полно и правильно понять все своеобразие исторической судьбы и национальной специфики русского романтизма.

С начала романтического периода творчества Пушкин оказывается в русле важнейших идейных и эстетических исканий своей эпохи. Взгляды Пушкина на русскую литературу XVIII в. формировались под воздействием двух прямо противоположных тенденций: с одной стороны, он воспитывался в обстановке преклонения перед Ломоносовым, Херасковым, Державиным, Дмитриевым, царившей в Лицее, с другой – поэт живо реагировал на проникновение в лицейскую среду новых литературных веяний, испытывая непосредственное влияние творчества таких ведущих поэтов начала XIX в., как Жуковский, Батюшков, Вяземский, Давыдов. При этом и «старое», и «новое» гармонично уживались в сознании лицейстов.

Синкретический характер пушкинской поэтической системы обусловлен эпохой пересекающихся литературных направлений. Благодаря ситуации «культурного перелома» сумма новых художественных тенденций естественным образом координировалась с исторически противостоящими поэтическими направлениями. Говоря более точно, поэзия Пушкина возникает в условиях особой литературной ситуации, в рамках которой мы находим сосуществование разнообразных элементов, и устоявшихся в сознании писателей, и тех, которые только подлежат кристаллизации и установлению.

Творческая эволюция Пушкина стала выражением основных эстетических традиций времени. Опираясь на принцип гегелевской триады, И.В. Киреевский в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» так определил три момента в

творческом самоопределении поэта: период «школы итальянско-французской», следование образцам и овладение поэтической формой, словом («творец-поэт»); с «Кавказского пленника» начинается второй период пушкинской поэзии, который можно назвать отголоском лиры Байрона («поэт-философ»); «Цыганы», «Евгений Онегин», «Борис Годунов» открывают этап самобытного творчества, «периода поэзии русско-пушкинской» (некий синтез тех начал, что определяли сущность предшествующих периодов) [Киреевский 1984: 31-32; 38.].

Если XVIII век был периодом тематического подключения российской словесности к мировой поэзии, когда точность перевода или подражания значения не имели, а потому зачастую вовсе не воспринималась стилистика иноязычного текста (соотношение сатир Кантемира, Буало и Горация – наиболее явное тому свидетельство), то поэзия XIX в. начинается там, где «свое» и «чужое» поняты как проблема.

Это осознание заключает в себе двуединый процесс: с одной стороны, чужая, иноязычная литература воспринимается как наилучшим способом оформленное, устоявшееся явление, усвоив которое, можно проявить и расширить национальные языковые возможности; с другой – эта же литература (или литературы) осознается как несоответствующая собственной национальной традиции и направлению ее движения, а, следовательно – требует преодоления. Кроме того, каждая национальная литература, обладая презумпцией значительности и самостоятельности, по-своему говорит то, *чего и так* никогда не скажет другая литература.

Только после этого периода усвоения литература начинает резко противопоставлять себя тому, что ею же было воспринято со стороны. Она начинает мыслить себя как некий субстрат, остающийся от столкновения с иноязычными культурами. Характерно замечание Ап. Григорьева, содержащееся в статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»: «Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного,

такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [Григорьев 1915: 10.].

Отечественным и зарубежным литературоведением неоднократно обсуждалась проблема различных «западных влияний» в творчестве А.С. Пушкина. Как справедливо отмечал В.М. Жирмунский, – «Пушкин как русский национальный поэт является в то же время активным участником литературной жизни Запада; его творческий путь связан одновременно и с общеевропейским и русским литературным развитием» [Жирмунский 1978. 359].

Оставаясь истинно русским, Пушкин (которого Н. Гнедич недаром сравнил с Протеем) действительно обладал удивительной способностью проникновения в глубины инационального сознания, в глубины инациональных культур, выявляя в них общечеловеческие ценности – художественные и этические. Образы Библии и Корана, шедевры античности и Возрождения, древних народных сказаний и книг, современных ему авторов, волновали ум и воображение поэта, творчески переосмыслились им. Решая собственные задачи по преодолению «ничтожества литературы русской» и поднимая ее сразу на европейский уровень, давая мощный импульс и надежные ориентиры для движения вперед, Пушкин, помимо опыта отечественной словесности (проанализировав исторические причины ее тогдашнего отставания), должен был освоить иные национальные стихии – французскую, немецкую, английскую, итальянскую, испанскую... [Палиевский 1987: 68-103].

Вместе с тем, мы можем констатировать, что и кантианство, и шеллингианство, и байронизм Пушкина – это не решающие, не определяющие влияния, это лишь определенные вехи в истории его личной и поэтической жизни.

Творческая эволюция и жизненное мироотношение и мироощущение Пушкина являются яркой иллюстрацией того обстоятельства, что русский романтизм во многих аспектах и отношениях был, если так можно выразиться, «открытой системой», то есть активно присутствовал и утверждался в европейском историко-литературном контексте, осмысливал себя в нем, очень

чутко реагировал и определенным образом откликался на происходившие в нем изменения, глубоко усваивая его художественный и теоретический опыт.

Национально-исторические истоки пушкинского романтизма определили и своеобразие его философской основы: Пушкину оказались гораздо ближе просветительские философские традиции (правда, переосмысленные и переработанные), нежели идеализм Фихте, Канта, Шеллинга. Пушкин, с одной стороны, говорит, что «ненавидит и презирает» немецкую метафизику – потому что она толкает на путь отвлеченного философствования и отвращает от исследования непрерывно движущегося конкретного бытия, а с другой – поэт сознает глубину мысли, свойственную немецкой идеалистической философии, и скрытые в ней возможности теоретического познания.

Романтизм сыграл чрезвычайно большую роль в формировании пушкинской эстетической мысли. Эстетика Пушкина сконцентрировано не изложена ни в каком специальном сочинении поэта. Она не рядится в одежду «технических» философских и эстетических терминов. Она не выступает от лица какой-либо известной философской системы. Развиваясь в литературной и критической среде, захваченной влиянием шеллингианства, Пушкин был далек от распространенной в 20-е и 30-е годы моды на метафизический лексикон, на шеголяние философскими терминами, за которыми не стояло действительно продуманное философское содержание. Однако, избегая философского оформления своих эстетических понятий, Пушкин поступал так вовсе не потому, что пренебрегал теоретическими основами эстетики. Пушкин сторонился легкомысленных и необоснованных притязаний на философичность. Именно в этом смысле он оправдывал перед А.А. Дельвигом свое отношение к московским шеллингианцам из редакции «Московского Вестника». «Ты пеняешь мне, – писал Пушкин, – за «Московский Вестник» и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа,

охота вам из пустого в порожнее переливать – все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы...» [Бэлза 1985: 4-17]. С начала романтического периода творчества Пушкин оказывается в русле важнейших идейных и эстетических исканий своей эпохи и, по справедливому утверждению Д.М. Урнова, стремится уяснить себе итоги европейской мысли. Хотя Пушкин «не принял ни духа немецкой философии, ни точек зрения ее, однако его ум стал работать в направлении тех же вопросов, которые философия от Шеллинга до Шлегеля ставила» [Кибальник 1999: 43-64]. При этом реалистическая сущность эстетики зрелого Пушкина часто непосредственно вырастала из его романтических исканий.

На рубеже 1830-х годов А.С. Пушкин приходит к чрезвычайно важным для него формулировкам одного из самых глубоких своих убеждений, на которое он опирался в своем противостоянии неприемлемой действительности: пушкинская мысль о «самостоянии человека» была напрямую связана с представлением поэта о духовно завоеванной суверенности личности, способной опереться на самое себя, на силу своего духа и воли...Больше того, именно разомкнутость сознания личности в область национально-исторического опыта и расценивается Пушкиным как оплот и гарантия ее «самостояния».

Синкретический характер пушкинской поэтической системы, обусловленный эпохой пересекающихся философско-литературных направлений, и особая роль А.С. Пушкина в процессе формирования национального самосознания XIX столетия посредством художественного слова требуют обстоятельного и конкретного анализа составных элементов данного синкретизма.

Литература

1. Бэлза И.Ф. Универсализм Пушкина // Творчество А.С. Пушкина. Материалы советско-американского симпозиума в Москве. – М., 1985.
2. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. – М.: ГИХЛ, 1943.
3. Григорьев Ап. Собр. соч. – М., 1915. – Вып. 6.

4. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978.
5. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. – СПб., 1999.
6. Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984.
7. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрадовой лирики. – Л.: Наука, 1986.
8. Палиевский П.В. Русские классики. – М.: Художественная литература, 1987.
9. Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. – М., 1999. – С. 66-82.
10. Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. – М., 2007. С. 76-138.
11. Эйдельман Н.Я. Статьи о Пушкине. – М., 2000. – С. 328-335;
12. Lowell J.R. Our literature. Prose works. – Boston, 1996. – Vol. VI.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВЫ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Т.И. Липич
НИУ «БелГУ»

Успешное эффективное развитие России немыслимо без возрождения традиционных ценностей. Ведь известно, что стержнем любой культуры является её религиозная составляющая. Наша государственность изначально строилась на основе Православия, которое стало основой духовно-культурного кода России. Ценности, заложенные в нем, прошли проверку временем и испытаниями, выпавшими на русский народ. Для возрождения духовности и православной культуры потребуется немало усилий. На протяжении всей нашей истории была заложена мощная традиция приоритета духовных ценностей над материальными. И если из жизни человека убрать или свести к минимуму духовные ориентиры, то он очень быстро превратится в существо, для которого слова «родина», «отчизна», «мать» не будут иметь никакого